

— Где эта вещь? — раздался тихий голос из тонкой, колеблющейся тени.

— Если хочешь её получить, сначала верни мне моё, — ответил человек, весь в крови, его лицо скрыто во мраке.

— Хорошо, — слышался мягкий смешок.

Тень двинулась вперёд, человек отступил. Рядом с ним зияла пропасть.

— Свист!

Что-то впилось в шею окровавленного человека, вызывая ощущение укуса. Его сознание мгновенно помутнело.

— Где эта вещь?

— В... — начал он, но слова унесло ветром. На горной тропе больше никого не было — лишь тень.

Ветер пронёсся, и тени тоже не стало.

...

На пути из Юньчжуна в Фэнлин находился небольшой, ничем не примечательный лес. Поскольку до ближайшей деревни от него было целых десять ли, люди прозвали его Рощей Десяти Ли.

Рощу Десяти Ли редко кто посещал. Во-первых, путь туда был долгим и трудным — даже охотники не желали топтать подмётки по такой дороге. Во-вторых, вокруг хватало торговых поселений, да и странствующие купцы сновали повсюду, так что необходимости заходить в эту чащу за дичью или целебными травами не было.

Так что роща стала излюбленным местом бродячих воительниц.

Говоря о бродячих воительницах, нельзя не упомянуть о царившем в наши дни духе рыцарства. Зародился он ещё в начале правления династии Цянъ и лишь крепчал с каждым новым императором, пока не достиг своего расцвета.

О том, насколько велик был этот расцвет, можно было судить по отношению простого народа к чиновникам и рыцарям: «Увидел чиновника — словно встретил тигра, увидел рыцаря — словно встретил родственника».

А бродячие воительницы — это те, кто не желал быть связанным уставами школ. Они не стремились к славе или непревзойдённому мастерству, а лишь жаждали свободы, гармонии с природой и беззаботной жизни.

Впрочем, находились и бесчувственные типы, превращавшие этот неприметный лесок в «священное место для разборок».

Стоило лениво прилечь под любым деревом, как тут же замечаешь обрывки ткани на ветвях и вызовы на бой, приколотые к стволам стрелами, — словно даосский монах прошёл и развесил защитные талисманы.

И злых духов здесь, пожалуй, действительно следовало изгонять. Порой, вздремнув у ручья,

можно было проснуться от падения с неба окровавленного богатыря. Если не повезёт, так и вовсе погибнуть от этого «живого снаряда». К счастью, случалось такое раз в сто лет, и только под самой несчастливой звездой можно было...

Бродячая воительница Ли Чжао, усердно писавшая что-то у ручья, мгновенно отбросила кисть, сделала сальто назад и, едва коснувшись земли, услышала оглушительный «бум!». Ветер, взметнувшийся песок, больно хлестнул её по лицу.

Вздыхнув, она отряхнулась и осторожно подошла к окровавленному богатырю, свалившемуся с неба.

— Эй, богатырь... ты ещё жив?

Ответа не последовало.

— Прости за бесцеремонность, — Ли Чжао приложила пальцы к его носу, затем с сожалением покачала головой.

Мёртв. Видимых ран от оружия не было, лишь несколько крошечных отверстий на шее с лёгким фиолетовым отливом. Вероятно, смерть от яда — причём яда скрытного, высокого класса. Скорее всего, дело рук Зала Лиши.

Кроме того, на лбу богатыря был заметный крестообразный шрам, хотя и не свежий. И несмотря на обилие крови, вряд ли она была его: внешних повреждений было мало, даже падение с высоты не могло вызвать такого кровотечения. Наверное, убийца, отравив жертву, обрызгал её кровью, чтобы что-то скрыть. Непонятно только, чьей — зверя или человека. В конце концов, преступник сбросил тело с горы, примыкавшей к этому лесу.

— Хм... — она подняла взгляд на высокую вершину, скрытую в облаках, и снова покачала головой. — Нет, не с вершины. Скорее, с середины склона — там есть естественная тропа и маленькая беседка.

Замолчав, она снова вздохнула и пробормотала:

— И зачем я это обдумываю? Всё равно не найду убийцу и не отомщу. Да и причин нет. Неизвестно, какие обиды таил в себе этот богатырь, что привёл его к такому концу.

— Но всё же, встреча — это судьба. Хотя я и не смогла тебя спасти, я в силах оказать небольшую услугу — дать тебе место для упокоения.

Сказав это, Ли Чжао собрала несколько веток, связала их окровавленными лентами, сорванными с деревьев, и принялась копать могилу на небольшой поляне.

Усердно потрудившись около получаса, она выпрямилась, потянулась, с трудом перетащила безвестного богатыря в яму и закопала её. Закончив, нашла подходящий камень, вырезала на нём слова «Покойся с миром» своим маленьким ножом и водрузила его на насыпь.

— Пусть обретёшь покой и вознесёшься на небеса. В следующей жизни не наживай врагов, живи спокойно и счастливо, — сложив ладони, она произнесла короткую молитву. На этом её долг был исполнен.

Не задерживаясь больше, Ли Чжао подошла к ручью, вымыла руки и лицо, отыскала отброшенную кисть и собралась продолжить свои путевые заметки. Но вдохновение, что было у

неё прежде, исчезло, и она сдалась.

Убрав письменные принадлежности, Ли Чжао взяла вино, охлаждённое в ручье, и под тёплым солнцем принялась пить его одна, распевая: «Горы Юньчжуна прекрасны, воды стремятся вниз, орошают поля, радуя урожай. Урожай богатый — лица сияют, а после воздают хвалу духам гор~»

Напевая, она вспомнила дни, проведённые в бамбуковой роще Юньчжуна. Хотя тогда каждый день приходилось усердно тренироваться и учиться под присмотром наставницы, зато наставница была рядом, было её вино, да и жители Городка Чжуге окружали заботой. Жизнь была безмятежной и счастливой, не то что нынешнее одиночество.

Если бы наставница не ушла без предупреждения, не оставив даже записки, когда Ли Чжао исполнилось шестнадцать, она, наверное, так и прожила бы там до седых волос, а потом бестрепетно отправилась бы в мир иной, обратившись в прах...

— Эх, наставница, наставница, куда же вы подевались, бросив свою ученицу? Хоть бы записочку оставили, чтобы я не волновалась так, — сделав глоток вина, она обратилась к своему отражению в воде.

Отражение, конечно, не ответило, да она и не ждала ответа.

С тех пор как себя помнила, она любила задавать наставнице разные вопросы: есть ли душа у цветов и трав, живут ли боги на облаках и что находится за горами. Но наставница никогда не отвечала, каждый раз отделяваясь одной и той же фразой: «Смотри глазами, слушай ушами, почувствуй сердцем — и сам найдёшь ответы». Так она от неё отмахивалась.

Ли Чжао, конечно, не сдавалась и ходила за наставницей по пятам, выпрашивая ответы, пока та, обычно терпеливая, не вышла из себя и не наказала её переписыванием древних текстов. Со временем это отточило её почерк, но наставница оставалась непреклонной.

В тот день, когда она почувствовала, что наставница собирается уйти, она, ещё сонная, задала ей последний вопрос:

— Наставница, в путевых заметках говорится о «реках и озёрах». Что такое «реки и озёра»?

К её удивлению, наставница на этот раз ответила:

— Реки и озёра... это место, где разбиваются сердца. Ли Чжао, живи здесь спокойно. Не ступай в реки и озёра.

Воспоминания оборвались.

Она покачала головой своему отражению и сделала большой глоток вина — холодного и обжигающего.

— Наставница, наставница, я всё же ступила в реки и озёра. Уже три года как я покинула горы, три года странствую по этому миру. За эти годы я повстречала многих: чиновников и простолюдинов, рыцарей и разбойников. Хотя их статусы и положения разнятся, все они, в конце концов, изо всех сил пытаются выжить в этом мире. Есть радости и печали, правда и ложь, но никто не жалеет, что родился и умрёт среди рек и озёр.

Я не понимаю, где то место, о котором вы говорили, и не знаю, почему вы так поспешно ушли...

Ха-ха, видно, я за эти годы так и не повзрослела — всё ещё хочу найти вас и спросить.

Договорив, Ли Чжао допила вино до дна. Ощувив, как холод и жар смешиваются у неё внутри, она запустила «Сердечную технику „Винное странствие“», которой научила её наставница. Вино опьянило её кровь, кости, одинокую душу и печальные мысли.

Тёплое солнце лилось на траву. Она лежала на траве, купаясь в его лучах. Вино струилось по её меридианам, обостряя чувства, солнечное тепло согревало кожу — словно она оказалась в объятиях матери. Тревога и тоска мигом растаяли.

— Ха-ха-ха~ — она вдруг рассмеялась, от души воскликнув:

— С вином и солнцем, горами и водой, травой и деревьями — что мне до одиночества? Разве что встретила одинокого мёртвеца, вот и нагнала на себя тоску. Будь здесь наставница, она бы, наверное, растопила лёд и посмеялась надо мной.

Закрыв глаза, она собралась немного вздремнуть в этом благословенном месте, но лёгкий шёпот, принесённый издали ветром, достиг её ушей — благодаря внутренней энергии она слышала его ясно, даже не желая того.

Что ж, придётся стать немым слушателем, словно забредшим в мир сказок.

— Старшая сестра, мы уж который час бродим по этому лесу, даже солнце устало и на покой собралось, а той беседки всё нигде не видно. Неужели старшая сестра просто дурачит нас?

<http://bllate.org/book/16264/1463359>